

По вашей просьбе СМЫЧКУ ВОЛШЕБНОМУ ПОСЛУШНА

Рассказывает народная артистка СССР Екатерина Максимова

— Можно ли верно выбрать профессию (да притом на всю жизнь!) в 8—9 лет? Оказывается, можно, это и подтверждает творческая судьба народной артистки СССР, балерины Екатерины Максимовой. Только что она вернулась из Рима, где их дуэт с Владимиром Васильевым был отмечен премией Джини Тани. Впрочем, наград, призов у этой знаменитой супружеской пары так много, что всего не перечислишь. Весь мир знает их. И не только по гастроллям на лучших сценах разных стран. Участие в фильмах знаменитых режиссеров, видеокассеты, собственные балетмейстерские работы Владимира Васильева, подарившие нам ряд отличных телевизионных балетов... В общем, счастливая судьба?

— Да, театр и балет — это моя судьба, — говорит Екатерина Сергеевна, — теперь так можно сказать: тридцать лет я на большой сцене. Но мечтала ли я с детства стать балериной? На этот вопрос ответить затрудняюсь. Ведь обычно человек осознанно выбирает свою профессию где-то после шестнадцати лет. Мы же профессию выбираем в 8—9 лет. А вот как это произошло у меня: после второго класса общеобразовательной школы я решила поступить в хореографическое училище. Было ли это осознанно или несознанно? Тогда только очень хотелось танцевать.

С учителями мне сразу же необыкновенно повезло. Вот здесь, вероятно, и сказалось влияние судьбы. Не все так удачно складывается. И не только потому, что есть учителя замечательные и посредственные. Подчас по не зависящим от нас обстоятельствам приходится менять учителей, так что это — своеобразная потеря. У меня было все иначе — люди, у которых мне довелось учиться, были страстно влюбленными в свою профессию, с глубокими знаниями и богатыми традициями, с настоящей высокой культурой. Училище я заканчивала у Елизаветы Павловны Гердт — в свое время она была прима-балерина Мариинского театра. В Большом театре же мне сразу повезло: я встретила с легендарной балериной — Галиной Сергеевной Улановой. Наш творческий союз продолжался долгие годы. Конечно, она могла выбрать и не столь «сырой материал», каким тогда я была как балерина. Но для нее, вероятно, представляла большой интерес возможность поработать, как говорится, с начала. Она ведь не вела тренировочный класс, а готовила нас на роли в спектакли. Все мои большие балетные партии были подготовлены под ее непосредственным руководством. Здесь и сложнейшие партии Китри в балете «Дон Кихот», Маши в «Щелкунчике», Фригии в «Спартаке» и многие другие...

— Екатерина Сергеевна, а когда же все-таки пришли к вам настоящая известность, признание?

— Еще в хореографическом училище. В 1957 году, будучи ученицей предвыпускного класса, я выступила на конкурсе балета, который проводился в преддверии молодежного фестиваля в Москве, и впервые завоевала золотую медаль.

Но дело в том, что я никогда не работала ради известности или славы: делала все, что было в моих силах, и как можно лучше. В каждой партии старалась выступить так, чтобы зрители меня приняли. Но ни в коей мере не претендовала и не претендую на безоговорочное общее признание. Кому-то нравится, как я выступаю, кому-то не нравится. Зритель оценивает труд артиста аплодисментами. Но были ли для меня когда-нибудь самоцелью одобрительные аплодисменты? Да нет, я просто и не думаю о них. Вообще главное в нашей профессии —

работа, работа и работа... Профессия балерины тяжелая. В восемь лет можно было думать: «Ах!.. Как красиво!» А ведь за короткими мгновениями успеха — жесточайший труд, порой изнурительный, постоянный, артист отдает всего себя.

— Снажите Екатерина Сергеевна, ведь рядом с вашим именем постоянно звучит имя Владимира Васильева: для зрителя это — уникальный творческий союз, но ведь не секрет, что это еще и семейный союз. Просто ли такое единство?

— Очень сложный вопрос. Ведь жизнь с Володей у нас долгая — и это помимо того, что мы уже отметили нашу «серебряную» свадьбу. Ведь мы учились в одном классе, вместе участвовали еще в школьных спектаклях, ежедневно встречались на репетициях. Здесь есть, конечно, и свои плюсы, и свои минусы. Мы досконально знаем друг друга. Иногда простого поворота головы или вдоха достаточно, чтобы почувствовать изменение настроения или понять, что тревожит Володю. В процессе же черновой работы, на репетициях бывало всякое: и споры, и ссоры. И то, что не можешь сказать чужому человеку, то родному... Тем более когда все так взаимосвязано — творчество и жизнь семьи. И на собственной семейной кухне подчас продолжаются у нас творческие дискуссии. Если же говорить по большому счету, то есть по результату нашей совместной работы — когда мы с Володей выходим на сцену или в исполняющую партию в его спектаклях, то нас объединяет вдохновение. А оно возможно лишь в единстве творческой цели, в полнейшем взаимопонимании, наконец, в единении наших сердец...

— Бывает ли у вас время отдыха, необходимость душевного уединения?

— Как и Володя, я постоянная и давняя поклонница родного Щельково в Костромской области. Нам много приходилось ездить, путешествовать. Фактически я побывала почти на всех континентах, видела много красивого, экзотического, впечатляющего. Но вот, знаете, есть такое чувство: это — твое, а то — не твое. Так вот душевное спокойствие и равновесие я нахожу только среди душистых травяных полей и грибных лесов Центральной России. Только там я остаюсь сама с собой. Не нужно кем-то быть, кем-то казаться. Все это мое...

— Как-то недавно вы сказали, что не все получилось в вашей жизни. Но ведь вы — народная артистка, и лауреат Государственных премий РСФСР и СССР и премии Ленинского комсомола?

— Дело в том, что премии и звания — это приятно, но не для этого же я работаю? Да, жизнь отдана искусству. Но звания — это вещь относительная. Сказать, что это — высшее, чего я хотела достичь в жизни, — не могу. Меня огорчает, что я так и не исполнила каких-то заветных

для меня балетных партий. И если задаваться вопросом, за что нужно еще биться, то ни в коем случае не за очередной знак признания, а вот за яркую роль в новом спектакле — вот это да! И если не получается, то и возникает чувство неудовлетворения.

Поэтому и говорить о планах трудно. В каком-то отношении я тут даже суеверна. Ведь только со стороны кажется, что такие большие артисты, как, например, Галина Сергеевна Уланова, делали то, что им хотелось. Нет, все мы — очень зависимые люди. Хороший пианист, к примеру, сам подбирает и формирует свою концертную программу. Мы же связаны репертуаром, планами театра, труппой, зависим от министерств, от зарубежных импресарио. Да от многого другого...

Меня очень волнует перестройка, происходящая сейчас в стране. Все процессы, связанные с ее реализацией в жизни. В том числе — и в искусстве. Ну а кроме этого, важно, что в последние годы у нас открылись глаза на очень многое, на время репрессий. Меня не менее волнуют проблемы экологии: трагедии Байкала, Волги, лесов, северных рек... Я не сомневаюсь: человек, искренне любящий свое Отечество, не может стоять в стороне от всех этих проблем. Мы же чаще всего и более всего говорим о нашем искусстве и Большом театре. Большой театр — наш дом. Здесь тоже, я говорю это вполне осознанно, намечились тенденции к утрате культурных традиций, связывающих поколения. Мы очень серьезно ставим эти проблемы у себя в театре. Но пока все еще очень трудно говорить с чиновниками. Беда в том, что чиновник от искусства и человек-творец живут в разных измерениях, у них словно разные критерии определения жизненных ценностей. Вспоминается одно из собранных в театре... Были Плисецкая, Васильев, Лавровский... И приехал министр культуры, выслушал наши пламенные речи. И что же? Ему почему-то показалось, что нас волнует не искусство, а какие-то регалии, которые мы, кстати, уже получили... А нам, более чем кому-либо, видится то, что не сразу заметишь за блеском лакировки фасада театра. Мы готовы в колокола бить: как бы спустил несколько лет нам не пришлось создавать комитет по спасению отечественного балетного искусства!..

Главное — это отсутствие настоящего эстетического воспитания. И это не так просто, как кажется, — мол, вот возьмем способных учеников, отучим их десять лет и получим новое поколение высококультурных артистов. Культуру, традиции разрушить легко, гораздо сложнее восстанавливать культурный пласт театра. Не одно, а два, а то и три поколения для этого потребуются!..

Что же касается нынешнего активного наступления на молодежь массовой культуры, рок-музыки, авангардного искусства, то здесь я придерживаюсь принципа открытой дискуссии. Зрители сами должны сделать выбор и разобраться, на чьей стороне правда. Но за свое искусство, за торжество традиций русского балета, за классическую музыку мы должны бороться только делом!..

...Мы заканчиваем наш разговор. Екатерина Сергеевна спешит на очередную репетицию. 1 февраля на сцене Большого театра у нее юбилейный спектакль — балет «Анюта»...

М. СЕМЕНЮК.

НА СНИМКЕ: Е. С. Максимова в «Шопениане».